

ВЕРИНА

М

Эта книга — дар любви и уважения учеников, друзей и коллег юбиляру. Мы признаем таким образом, что он в разное время и в разной степени, но повлиял на всех нас. Надеемся, что собранные под одной обложкой, статьи на темы разных эпох и культур, будут хотя бы отчасти соответствовать разносторонности его личности.

Благодарим за сотрудничество Александра и Аду Кан, оказавших нам финансовую поддержку и присоединившихся к поздравлениям. Свою симпатию юбиляру попросили нас выразить также Е.Н.Швейковская, Роберт Крамми, сотрудники С.-Петербургского института истории РАН, а также аспиранты, выпускники и преподаватели факультета истории Европейского университета в С.-Петербурге.

От редколлегии

Б.В.Ананьич, А.А.Фурсенко

Историк России — В.М.Панеях

Вся жизнь В.М., за исключением трех лет, проведенных в эвакуации в Саратове и Казани, связана с Ленинградом (Петербургом). Он родился в интеллигентной ленинградской семье, жил в центре города, на Невском проспекте, с ранних лет увлекался литературой, театром и шахматами. Он застал еще то время, когда Невский проспект не был просто главной городской магистралью с забитой машинами проезжей частью и разношерстной толпой на тротуарах.

В 1948 г. В.М. поступил на Исторический факультет Ленинградского университета. Уже в студенческие годы В.М. отличался целеустремленностью. У него не было колебаний в выборе профессии, а затем и специализации. На первом курсе В.М. занимался в просеминаре у Б.А.Романова по истории древней Руси. Со второго курса стал его учеником и сохранил верность своему учителю и тогда, когда Б.А.Романов в октябре 1950 г. был уволен из университета. В 1953 г. В.М. завершил под руководством Б.А.Романова и успешно защитил свою дипломную работу.

Окончив Университет, В.М.Панеях работал преподавателем истории в школе рабочей молодежи при фабрике «Скороход». В 1952 г., еще студентом, он опубликовал в журнале «Вопросы истории» (№12, с.141–146) обстоятельную рецензию на книгу уже ставшего тогда известным молодого историка А.Г.Манькова «Цены и их движение в русском государстве XVI в.»

Все эти годы В.М. не прерывал отношения с учителем. Дом Б.А.Романова на 5-й Красноармейской был всегда открыт для учеников. Домашнее общение с учителем было столь же важно, как и университетские занятия. Б.А.Романов обычно просил читать ему подготовленное к встрече сочинение, внимательно слушал с каменным лицом или живо реагировал на прочитанное, в

Ученики Б.А.Романова (слева направо):
А.А.Фурсенко, Р.Ш.Ганелин, В.М.Панеях, Б.В.Ананьич

зависимости от того, насколько успешно была выполнена работа. Иногда он сам читал отрывки из своей будущей книги.

Многие из нас к тому времени уже хорошо знали В.М. как ученика Бориса Александровича Романова. Трое «старших», как нас называли в доме Романова, Н.Е.Носов, Р.Ш.Ганелин и А.А.Фурсенко уже регулярно, с 1948 г. приглашались к нему на день рождения 11 февраля, что стало своего рода ритуалом, а двое «младших», Б.В.Ананьич и В.М.Панеях, вошли в этот круг с 1952 г.

В.М. принимал участие в институтских заседаниях. В конце 1955 г. Борис Александрович предложил провести обсуждение корректуры будущей книги А.А.Фурсенко об американской политике в Китае конца XIX века, ответственным редактором которой он был сам. Для этого Б.А. пригласил на институтское заседание, проводившееся под его председательством, нескольких историков извне, в том числе В.М., хотя тот не был ни американистом, ни специалистом в области международных отношений. Замысел Бориса Александровича заключался в том, чтобы спровоцировать дискуссию, и ему это вполне удалось. Причем основным закоперщиком дискуссии выступил русист-феодал В.М.Панеях, а не приглашенные из Университета и Библиотечного института специалисты-международники Л.А.Березный и М.Б.Рабинович. В своей-

ственной В.М. дидактично и довольно безапелляционной манере, он обрушился с критикой на трактовку предпосылок провозглашения американской доктрины «открытых дверей» в Китае. Ответ А.А.Фурсенко был достаточно резким, но не убедил В.М. Впрочем, он и не был настроен соглашаться. Борис Александрович остался доволен результатами заседания.

Летом 1956 г. был объявлен конкурс на поступление в аспирантуру ЛОИИ. При поступлении в аспирантуру Виктор Моисеевич успешно сдал вступительные экзамены, хотя «четверка» по немецкому языку досталась ему с трудом. Преподаватель кафедры иностранных языков Борис Яковлевич Кац, замечательный педагог, но весьма требовательный человек, говорил, что В.М., мягко выражаясь, не был «блестящим» знатоком немецкого языка, хотя в его преподавательской практике «бывали и более трудные случаи».

Немецкий язык, однако, оказался не главной трудностью при поступлении В.М. в аспирантуру. Препятствием стали его анкетные данные, так называемый 5 пункт. Руководитель отделения (ЛОИИ) отказывался зачислять его в аспирантуру. В те времена все кадровые перемещения производились с согласия или по рекомендации партбюро. Большинство партбюро — В.И.Рутенбург, Н.Е.Носов и А.А.Фурсенко проголосовали за зачисление В.М. в аспирантуру. Но основную роль в окончательном решении вопроса сыграл Борис Александрович. Он потребовал зачислить В.М., заявляя, что «на аспирантов у него нет того же аппетита, как на яичницу за завтраком». В.М. — его ученик, и он не уверен, что сумеет вырастить и обучить кого-либо еще. Борис Александрович был серьезно болен. Когда директор Института истории в Москве Аркадий Лаврович Сидоров узнал обо всем, он распорядился зачислить В.М. в аспирантуру, сказав: «Это надо сделать для Бориса Александровича»

В 1956 г. В.М. стал аспирантом. Но 18 июля 1957 г. Б.А.Романова не стало, и по его выраженному в свое время пожеланию после него руководителем В.М. стал И.И.Смирнов. Окончив аспирантуру, В.М. был принят на работу в ЛОИИ младшим научным сотрудником, хотя и на этот раз не удалось сразу преодолеть анкетные преграды. А.Л.Сидоров покинул пост директора московского Института истории Академии наук, его преемником стал академик В.М.Хвостов. Его оказалось нелегко убедить. Заведующий ленинградским отделением института по-прежнему сопротивлялся, но вынужден был отступить. Был подписан приказ о зачислении В.М.Панеяха в штат ЛОИИ, где он прошел все ступени роста, защитив кандидатскую и докторскую диссертации, стал

главным научным сотрудником и заведующим отделом. Более 10 лет В.М. представлял ЛОИИ на общем собрании РАН, выступая в защиту интересов науки. При этом он всегда придерживался четкой и принципиальной позиции.

Как историк В.М. сформировался под влиянием культуры и традиций петербургской исторической школы с ее особенно строгим отношением к критике и публикации источника. Следы влияния этой школы в полной мере проявились и в педагогической деятельности В.М., и в его замечательной монографии «Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов» (СПб., 2000).

Когда в начале 1990-х годов несколько сотрудников Петербургского Института истории приняли участие в публикации следственных материалов, сфабрикованных ОГПУ («Академическое дело. 1929–1931 гг.»), то именно В.М. руководил археографической подготовкой этого весьма специфического типа документов.

В конце 1994 г. при поддержке А.А.Собчака был открыт Европейский университет в С.-Петербурге. Первым ректором университета стал профессор Б.М.Фирсов. В.М. взял на себя нелегкий труд декана исторического факультета и возглавлял его в течение двух лет. Именно В.М. выработал принципы организации учебного процесса, приема и тщательного отбора студентов в аспирантуру университета. И в этом случае он опирался на традиции петербургской исторической школы.

Издание источников советского времени, но особенно преподавание в течение последних десяти лет в Европейском университете, отразились на научных интересах В.М. После 1997 г. он перестал публиковать исследования по истории Древней Руси и переключился на занятие историографией и сюжетами новейшего времени. Сам В.М. в опубликованной им в 2005 г. книге «Историографические этюды» объяснял это тем, что «общение с научной молодежью, проходящей аспирантскую программу», дало ему «дополнительные силы и стимулировало к обновлению научных интересов».

А.А.Зимин

Отрывок из воспоминаний*

<...> Виктор Моисеевич Панеях (р. 1930 г.), окончив в 1953 г. ЛГУ, <...> некоторое время преподавал в школе, затем в 1956 г. поступил в аспирантуру и в 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию о служилом холопстве. В 1974 г. стал доктором за диссертацию о холопстве в целом (XVI — начало XVII в.)¹ Сейчас работает над последней частью трилогии (о холопстве XVII в.).

В Ленинграде за Виктором Моисеевичем укоренилось прозвище «наша совесть». Иногда говорят, что у Панеяха всегда «принципы», слегка улыбаясь при этом (принципы у Виктора Моисеевича имеют тенденцию переходить в упрямство). Культ Бориса Александровича Романова у Панеяха приобрел характер иконопочитания. В науку В.М.Панеях вошел, благодаря упорному труду и незаурядным способностям. Особенно силен Виктор Моисеевич в логическом рассмотрении вопроса. <...> Еще на студенческой скамье у Б.А.Романова в семинаре Виктор Моисеевич написал вдумчивую и потребовавшую от него большого труда рецензию на книгу А.Г.Манькова о хлебных ценах в XVI столетии («пересчитал всего Манькова», как говорили тогда). Благодаря содействию В.К.Яцунского (в статистике тот был дока) ее напечатали в «Вопросах истории».²

* Данный текст является фрагментом из неопубликованной книги А.А.Зимина, скончавшегося в 1980 г., «Храм науки». Купюры согласованы с В.Г.Зиминой, представившей его.

¹ *Панеях В.М.* Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967; он же. Холопство в XVI-начале XVII в. Л., 1975; он же. Указы о холопях отпускных 50-х годов XVI в. — В сб.: «Из истории феодальной России». Л., 1978. С.103–110. По докторской диссертации я выступал оппонентом (ср. рецензию: «Вопросы истории», 1976, № 9).

² «Вопросы истории», 1952, № 12. С. 141–146.

В характере Вити проглядывает (пусть внешне) некое пижонство. «Это уж Вы валяйте там, а я-то ведь не историк. Мне бы посидеть в компании. Хорошо выпить. Провести время с девочками». За этим всем проглядывает не только кокетство и тщеславие, но и ответственность за каждое сказанное в науке слово. На суждения Панеяха всегда можно положиться. Очень часто говорит, «а вот этого я не знаю», но то, что знает, то надежно. Если даже выводы Панеяха иногда могут показаться субъективными (в редчайших случаях), то и тогда они имеют за собою фундамент солидных доказательств и строгую мысль.

Раз в году Панеях остается в должности ученого секретаря Института (на месяц). Свои обязанности он выполняет с подчеркнуто чиновничьим усердием («раз уж ты взялся за дело, исполняй его всерьез»). Но по лестнице чинов двигаться не собирается, да и формальных данных для этого у него нет. В ЛОИИ ему поручают «пробивать» работы в РИСО и Издательстве. И это поручение он выполняет с предельной добросовестностью. Последовательный сторонник порядка во всевозможных бумажных делах, он готов вспыхнуть, когда видит нарушение законности в делопроизводстве.

Так что ж, Витенька — формалист? Избави Бог! Разве только если считать формализмом поклонение женским формам.

При этом Виктор Моисеевич человек компанейский, за что ленинградцы его очень любят. Он умеет провести время за разговором со стаканчиком в руке, не превышая, однако, своих возможностей. Способен он сказать подшофе подонку: «Кто ты есть? Пока ты секретарь, с тобой считаются. А так ты полный нуль». Абсолютно лишен угодливости. Но дистанцию с людьми старшего возраста и табель о рангах соблюдает, считая это признаком вежливости. Даже со мной, хотя мы с ним дружим давно и всерьез.

К ученым занятиям, как и к другой работе, относится всегда с чувством ответственности. Это — служба, а служба дело серьезное. Историю любит также по-настоящему. Книги Панеяха основаны на адовом труде кодикологического и статистического изучения материалов кабальных книг, которые именно он сделал объектом не выборочного, а систематического исследования. В анализе законодательства Виктор Моисеевич — прямой продолжатель Б.А.Романова с его логически-правовой интерпретацией судебника 1550 г. Некоторая (сознательная) узость в подходе к отбору материалов по истории холопства и в рассмотрении института от общего хода исторического процесса у него есть. Но зато

какая основательность и самостоятельность в выводах! Прежде всего, важен генеральный вывод Панеяха (в отличие от Б.Д.Грекова и В.И.Корецкого)³ — о большой роли холопства в экономике XVI в. и о постепенном смягчении его положения, что вело к превращению холопов в крепостных.

В одной из последних работ Виктор Моисеевич обращался к интерпретации С.Н.Валком обстоятельств возникновения на Руси частного акта, раскрывая богатство содержания его работ по этой сложной проблеме.⁴

В период Слова⁵ В.М.Панеях был среди тех, кто решительно поддержал тезис о позднем возникновении памятника и отстаивал право на мысль. Раньше он частенько бывал на заседаниях в секторе Д.С.Лихачева (Р.П. и Л.А.Дмитриевы и Н.Н.Масленникова — его сокурсники по Университету). После Слова, считая поведение Дмитрия Сергеевича аморальным, он демонстративно перестал появляться на заседании сектора...

³ См. блестящий разбор книги В.И.Корецкого: Панеях В.М. Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения. «История СССР», 1972, № 1. С. 157-165.

⁴ *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н.Валка. — «Вспомогательные исторические дисциплины». Сб. X. Л., 1978. С. 55-69.

⁵ Примечание редколлегии: Речь идет о травле А.А.Зиминой в связи с подготовленной им книгой о полку Игореве», в которой он датировал его второй половиной XVIII в.